

— Ты считай, считай! — в раздражении говорила мне наш математик Анна Ивановна Лексина, она же — строгий директор школы. — Считай!

А я стоял у доски, ничего не соображая. Таблица логарифмов плыла перед глазами, и было ужасно стыдно за свою глупость, за неумение соображать, за своё незнание (математику запустил с детства).

«До девятого класса доучился, а дуб дубом», — так я думал о себе.

Но особенно я переживал оттого, что передо мной на первой парте сидела белокурая, синеглазая отличница Лилька, за которой бегали все мальчишки; бегал и я за нею, и она видела мой позор. И я видел, как ей было стыдно за меня. Ой как стыдно!

— Ну что молчишь? О чём задумался? — то и дело спрашивала меня Анна Ивановна.

— Давайте я лучше вам Пушкина почитаю. «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...» — забыв про стыд и вдохновившись стихами, начинал декламировать я.

Урок математики превращался в урок поэзии. Тут я был на высоте. Здесь мне равных не было.

Так бывало не один раз. Но моё лицедейство всегда прерывал голос Анны Ивановны:

— Садись, два! Как дальше жить будешь, не знаю. А тебе, Лиля, поручаю позаниматься с ним. Не бестолчью же ему оставаться...

Я хорошо помню наше первое «занятие» у Лильки дома. Стол, на столе учебники, тетради, и мы с ней вдвоём в квартире. Она объясняет, а до меня ничего не доходит, всё мимо, всё как в тумане, сердце страшно колотится. Я вижу только её милое лицо, белокурую чёлку, которую она то и дело сдувает с глаз, яркие губы и синие-синие глаза, за которые я и полюбил её.

— Ну, понял что-нибудь?

— Лилька, — выдыхаю я, — я люблю тебя!

Занятие наше тогда завершилось стремительными поцелуями. Потом это повторялось не раз. Была зима, и мы долго бродили по заснеженным улицам, обнимались (мгновения эти до сих пор в душе)...

А через некоторое время Анна Ивановна опять меня вызвала к доске, вызвала и её. Я, как всегда, получил двойку, она пятёрку.

— Чем вы занимались, что вы делали? — негодовала Анна Ивановна. — Лиля-то вот опять пятёрку получила, а ты так в двоечниках и останешься.

— Мы решили... — оправдывались мы.

— Я видела, как вы решали, — горячилась Анна Ивановна, заботясь о нравственности школы (она любила следить за учениками), — все сугробы истоптали.

Милое время, где ты? Давно нет

Л. Скурихина и Ю. Варыгин. 9-й класс
Рождественской школы

на свете замечательной учительницы математики Лексиной Анны Ивановны, которая хотела своим ученикам только добра. Ушла недавно из жизни Лилька (Лилия Александровна), она преподавала в Иркутском университете высшую математику. Мне же математика, к счастью, не понадобилась, так как я целиком и полностью посвятил себя искусству.

Но наша деревянная школа в Рождественском, мои двойки и первые поцелуи живы и поныне, они несут мне свет из прошлого.

Ах, юные годы, счастливые дни,
Как вешние воды, промчались они...

Помню, однажды ко мне в Дом пионеров вошла невысокая седая женщина со следами былой красоты и, видя моё замешательство, сквозь слёзы проговорила:

— Не узнаёшь? Ведь это же я, твоя Лилька... А стихи твои я долго хранила, но как-то их нашёл муж (он тоже был профессором университета) и сжёг...

Передо мной стояла чужая, незнакомая морщинистая женщина — Лилия Александровна, бывшая когда-то весёлой, красивой, смешливой Лилькой, оставшейся в моей памяти навсегда.